
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

И. К. БЫСТРЯКОВ,
*профессор, доктор экономических наук,
заместитель директора по научной работе,
завотделом комплексной оценки
и управления природными ресурсами
ГУ «Институт экономики природопользования
и устойчивого развития Национальной академии наук Украины»,
бул. Тараса Шевченко, 60, 01032, Киев, Украина*

IHOR BYSTRIAKOV,
*Professor, Doctor of Econ. Sci., Deputy Director for Science,
Head of the Department of Integrated Assessment
and Management of Natural Resources,
Institute of Environmental Economics
and Sustainable Development of the NAS of Ukraine,
60, Taras Shevchenko Blvd., Kyiv, 01032, Ukraine*

УДК 332.12:330.52:330.15

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ОБОСНОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Предложена модель пространственного упорядочения устойчивого эколого-экономического развития на примере экономически эффективного использования природно-ресурсных активов. Подчеркнута целесообразность направленности на децентрализованные формы управления процессом обеспечения эколого-экономического развития территорий с позиций учета соответствующих компетенций локальных хозяйственных систем в рамках определения их коммуникативных полей.

Ключевые слова: пространство; время; концепт; эколого-экономическое развитие; управление; природные ресурсы; финансово-экономический механизм; коммуникации; децентрализация.

Библ. 15; рис. 2.

UDC 332.12:330.52:330.15

SPATIAL CONCEPT OF RATIONALE BEHIND ECOLOGICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

A model of spatial ordering of sustainable ecological and economic development is proposed on the example of economically efficient use of natural resource assets. The author emphasizes the expediency of focusing on decentralized form of managing the process of ensuring the ecological and economic development of territories taking into account the relevant competencies of local economic systems within the limits of definition of their communicative fields.

© Быстрыков Игорь Константинович (Bystryakov Ihor), 2018; e-mail: bystryakoveco@ukr.net.

Keywords: space; time; concept; ecological and economic development; management; natural resources; financial and economic mechanism; communications; decentralization.

References 15; Figures 2.

Для Украины вопрос определения своего национального пространства развития является насущным и не требует особых доказательств. Впрочем, современный мир общественных отношений выдвигает свои требования к его идентификации. Это связано, прежде всего, с представлениями о данной категории, называемой “пространство”, как старой, но одновременно постоянно обновляемой с изменением парадигмальных точек зрения. Важно и то, что в случае игнорирования этого мы обречены на продуцирование устаревших форм организации своей хозяйственной деятельности, то есть постоянно будем находиться в роли “догоняющего”, что весьма опасно. Опираясь на указанные утверждения, целесообразно обратить внимание на методологическую составляющую вопроса, именно расхождений в понимании хозяйственных пространств разнородных субъект-субъектных связей, в частности, в сугубо экономической деятельности. Причина заключается в том, что разное понимание поля деятельности приводит к несогласованной рефлексии на вызовы, которые всегда возникают как в процессе коммуникативных обменов, так и при выборе конкретных управленческих действий по их упорядочению. При этом важно не только методологическое определение “пространства” как такового, но и выявление путей имплементации этого знания в практику управления развитием.

Что касается первого вопроса, то следует отметить, что для экономиста “пространство” в традиционном понимании всегда очерчивает *границы* соответствующей сферы деятельности или экономических потоков. Более того, ряд экономистов-теоретиков рассматривают экономический процесс “извне”, а не “изнутри”. На это обратил внимание еще В. Ойкен в своей главной работе “Основные принципы экономической политики” [1]. Однако, интерпретируя это утверждение, следует подчеркнуть необходимость предоставления ему современного вида. Речь идет о том, чтобы дистанцироваться от традиционных, в значительной степени классических взглядов в сторону постнеклассического, постиндустриального определения экономических процессов. Здесь имеется в виду сосредоточение на составляющей социально-экономических отношений, а именно – на категории “интерес”. Как известно, интересы выступают приоритетным фактором общественного развития в целом, поскольку служат внутренним источником развития экономических процессов социально-экономических систем любого типа. Более того, сегодня мы акцентируем внимание на смещении акцентов с истинно материального производства в сферу нематериальных факторов, обуславливающих характер мотиваций людей, и таким образом как бы расширяем *границы*, входя в плоскость иного параметрического пространства, на что в свое время обращал внимание Й. Шумпетер [2].

По поводу второго вопроса. Имплементация новых взглядов в практическую плоскость требует также соответствующих объяснений. Известно, что любой экономический процесс сопровождается спецификацией прав собственности субъектов хозяйствования. В то же время возникают вопросы идентификации потока транзакций, что инициирует согласование экономических интересов субъектов хозяйствования и упорядочение выгоды от предполагаемых и получаемых результатов той или иной деятельности. Следовательно, степень согласованности экономических интересов предполагает сбалансированное соотношение транзакционных издержек одного субъекта хозяйствования с теми расходами, которые имеет другой субъект. Вроде все понятно, но на самом деле сетевой характер соотношений усложняет картину, поскольку вводит в обращение категорию нелинейного времени. И здесь целе-

сообразно, на наш взгляд, обратить внимание на одну из идей выдающегося человека – А. Эйнштейна, что проблемы нельзя решить в рамках понятий, которые их породили [3, с. 3]. Именно на этом построена статья, презентуемая читателям.

Итак, **цель статьи** – раскрыть главные признаки пространственного концепта управления экономическим развитием с природно-ресурсным экологическим уклоном посредством описания достижения положительных результатов с точки зрения использования категории “пространство-время” как динамического процесса.

Категория “пространство-время”

Целесообразность сосредоточения внимания на общем методологическом аспекте раскрытия категории “пространство-время” обусловливается необходимостью установления движущей силы, определяющей построение любого, в том числе предметного, перцептуального пространства, включая также хозяйственное пространство. Не вдаваясь в подробное рассмотрение данной категории, что можно сделать посредством знакомства с большим количеством публикаций на эту тему, сосредоточим внимание на одной очень важной детали в практике экономического управления: неразрывном единстве времени и пространства.

Категории пространства и времени, отражающие формы бытия материи, традиционно изучаются с двух позиций: субстанциальной и реляционной. Первая рассматривает пространство и время как особые сущности, существующие сами по себе, независимо от материальных объектов, а вторая – как особые отношения между объектами и процессами. Подчеркнем, теория Эйнштейна доказала, что в реальном физическом мире пространственные и временные интервалы изменяются при переходе от одной системы отсчета к другой. Последнее имеет особое значение. Именно теория относительности раскрыла наличие фундаментальной связи между пространством и временем, показав, что в природе существует единое пространство-время. И что самое важное – пространство и время выступают как его своеобразные проекции, на которых делается акцент в зависимости от характера рассматриваемых процессов. Опираясь на этот посыл, можно выдвинуть гипотезу о принципиальной возможности применения данных выводов к изучению экономических процессов. В таком случае, изменяя экономическое пространство, можем подсознательно задавать нелинейность прохождения времени, и, наоборот, меняя направление времени – изменять пространство. При таком подходе можно говорить о пространственной интерпретации в трактовке циклов как формы возникновения своеобразной временной петли вследствие деформации экономического пространства. Именно на основе этого можно сделать логическое предположение, что во избежание появления временных петель необходимо постоянно обновлять методологические механизмы формирования, прежде всего, нового типа пространства.

Экономическое пространство

Сосредоточивая внимание на категории “экономическое пространство”, отметим, что на сегодняшний день сформировано несколько позиций в ее парадигмальном понимании [4; 5, 6; 7]. Имеются в виду три более-менее устойчивых подхода к ее трактовке: территориальный, ресурсный и информационный [5]. С позиций территориального подхода “экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.” [8, с. 26]. Ресурсный подход определяет экономическое пространство как совокупность “экономических действий”, под которыми понимается “определенная связь между целями и средствами, а также предусматривается особый характер самого действия” [9, с. 19].

Информационный подход трактует экономическое пространство в основном посредством части информационной составляющей экономического процесса. Можно согласиться с некоторыми исследователями, что экономическое пространство формируется информационными потоками, циркулирующими между хозяйствующими субъектами, и именно они определяют структуру этого пространства, но в более широком смысле [5]. В частности, подчеркнем, что такой подход дает возможность сосредоточить внимание на той части взаимодействия субъектов хозяйствования, которая касается трансакций разного происхождения, совершающихся благодаря обмену информацией, и обеспечивает вхождение в общий информационный поток. Таким образом, информационный подход позволяет определить экономическое пространство в категориях так называемой процессной экономики, или экономики потоков. Именно с учетом сказанного мы рассматриваем абстрактную модель экономического пространства с позиции общей трактовки топологического пространства, представляющего собой соответствующее множество, сформированное из элементов любой природы, в котором тем или иным способом устанавливаются предельные соотношения. В таком случае экономическое пространство характеризуется как совокупность отношений между экономическими субъектами и системами, которые их упорядочивают и динамично развиваются во времени. Это имеет далеко идущие последствия, поскольку от физических, перцептуальных признаков пространства ведет нас в плоскость изучения виртуальных соотношений. Такой феномен требует отдельного внимания, однако в рамках данной статьи подчеркнем важные моменты. Во-первых, противопоставление указанных подходов в трактовке категории “экономическое пространство” снимается в плоскости постнеклассической исследовательской методологии, поскольку указывает на необходимость учета фактора их доминантного иерархического соотношения. Во-вторых, в любом случае очевидно, что проблема переходит в коммуникативную плоскость. Поэтому далее этот вопрос рассмотрим подробнее.

Коммуникативные признаки пространства

Сосредоточение данной статьи на коммуникативных признаках пространства не случайно. Поскольку современная экономика является экономикой процессов и потоков, то, конечно, предполагается наличие коммуникаций. Более того, экономическое пространство формируется информационными потоками, циркулирующими между хозяйствующими субъектами, и именно они определяют структуру этого пространства. Особенно это касается общества постиндустриального типа развития с доминированием энергии и информации. Вообще, именно фактор коммуникации формирует такие отношения между экономическими процессами субъектов хозяйствования, которые обеспечивают получение желаемых результатов или эффектов от экономической деятельности в совокупном хозяйственном процессе. Следовательно, должное коммуникативное поле обеспечивает снижение параметров продолжительности трансакций, а значит, и затрат, которые будут соответствовать принятому уровню. Можно предположить, что чем выше уровень концентрации коммуникативного поля, тем лучше конкурентоспособность включенных в него субъектов хозяйствования по отношению к аналогичным субъектам за его пределами. Рассматривая экономический поток как соответствующую совокупность информационно-энергетических корреляций, движущихся в экономическом пространстве посредством взаимодействия субъектов хозяйствования, а экономический оборот — как систему взаимосвязей между ними, можно увидеть место коммуникативного фактора как отдельного вида пространства или поля. Так, коммуникативное поле устанавливает режим скорости экономического оборота соответствующих экономических потоков и, по сути, определяет матрицу экономического пространства

как такового. Здесь целесообразно подчеркнуть, что коммуникации следует выстраивать в русле обеспечения процесса предотвращения истощения природно-экологического потенциала окружающей среды, о чем будет говориться далее.

Возвращаясь к категории “коммуникация”, необходимо сосредоточить внимание на некоторых методологических аспектах. Во-первых, в данной статье “коммуникация” рассматривается в широком смысле как система, в которой реализуются процесс взаимодействия субъектов хозяйствования, а также способы и средства их общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию, в частности, эколого-экономического характера.

Во-вторых, с завершением периода “больших нарративов” пришла эпоха так называемых “карманных миров”. Эта позиция очень важна, поскольку распространяется почти на все звенья жизненных циклов. Вопрос заключается в том, что процессы усложнения коммуникации на фоне формирования новых форматов, тем не менее, как ни парадоксально, возвращают сложные формы организации человеческого бытия в природное состояние неразличимой комплексности. Чем сложнее структуры нашего общения, тем меньше в них содержится специфически человеческого. Это заставляет заново определять место природно-экологического в современном мире коммуникативных отношений.

В-третьих, представляет интерес определение коммуникационного фактора как поля, подвергающегося воздействию коммуникативных революций, которые характеризуются прыжками, обусловленными технологиями средств не только по отношению к производству и передаче информации, но и социальным условиям ее распространения, а главное — ее потреблению. Можно говорить о том, что человек, формируя собственное мнение на основе индивидуального и социального опыта, одновременно трансформирует и коммуникативное поле, которое, в отличие от коммуникативного пространства, характеризующегося состоянием субъектов в каждый конкретный момент, является ареалом, где происходит соединение разнотипных коммуникаций. Таким образом, пространство соответствует свойствам дискретности, а поле — континуальности.

Такое различие обусловлено необходимостью отражения специфики формирования экономического пространства с целью объединения трех подходов к его определению, а именно: территориального, ресурсного и информационного. Наличие факта взаимопроникновения и пересечения описанных на основании этих подходов пространств характеризует полевою структуру отдельных природно-хозяйственных объектов. Поскольку реальное экономическое пространство состоит из субъект-объектного множества, то поле как таковое привносит признаки единства, несмотря на часто противоречивый характер их взаимодействия.

Универсальная модель эколого-экономического развития

Эволюция системы коммуникаций заставляет субъектов хозяйствования по-новому взаимодействовать с окружающей средой. Эколого-экономическое кодирование пространства жизнедеятельности постепенно становится повседневной реальностью и формирует соответствующие когнитивные фреймы. Значимым моментом при этом становится поиск современных форм экономического самообеспечения функционирования экологических систем на уровне требований, касающихся их безопасного существования. В данном случае имеется в виду достижение мета-нарративного эффекта за счет использования дискретных инкорпораций в рамках общих методов децентрализованного управления территориальным пространством.

Данный подход в полной мере реализуется в рамках так называемой “платформенной экономики”. Отметим, что последняя представляет интерес, ведь как феномен макроэкономического уровня дает ориентиры на изменение механизма формирования стоимости последующей промышленной революции на низовом уровне.

Эколого-экономическое направление концепта устойчивого развития в данном понимании вписывается в общие тенденции, что связано с трансформацией работы рынков в направлении распространения сетевых взаимодействий, за счет чего традиционное понятие экосистемы расширяется, поскольку при подобных природных экосистемных законах начинает развиваться и бизнес. Новейший принцип хозяйствования реализуется в результате взаимодействия платформ с бизнес-экосистемами, что характерно для условий новой промышленной революции [10; 11]. Важно то, что в такой модели развития, в отличие от обычной, для предоставления продуктов и услуг компании создают технологические платформы, дающие возможность различным рыночным игрокам по принципу кластеризации самим создавать новые продукты и услуги и обмениваться совместно созданными ценностями [12]. Этот аспект очень важен при организации совместной деятельности объединенных территориальных общин, то есть имеет большое прикладное значение. Подчеркнем, если индустриальная экономика предполагает последовательную и однонаправленную линию формирования стоимости, где экономия достигается за счет снижения маржинальных издержек благодаря эффекту масштаба, то платформенная экономика выигрывает в условиях становления бизнес-экосистем, в которых различные рыночные агенты могут взаимодействовать вместе по созданию общей ценности (shared value) [13]. В отличие от жестких цепочек прошлого, бизнес-экосистемы представляют собой распределенные, адаптивные, открытые социотехнические системы, функционирующие на принципах самоорганизации, масштабируемости и устойчивости (sustainability) [14]. Экономический эффект при этом формируется участниками бизнес-экосистем: чем больше их количество и разнообразие, тем шире оказываются возможности справедливого распределения созданной стоимости и, соответственно, генерации новой. Платформа требует быстрого вывода на рынок новых продуктов и услуг на условиях достижения высокой адаптивности к потребностям и интересам задействованных участников процесса хозяйствования. Известно, что сетевой эффект двустороннего рынка возникает за счет того, что пользователи (обычно создатели продукта и потребители) создают добавленную стоимость, получая взаимовыгодные преимущества. В таком случае высокое развитие пространственных сетей позволяет не только привлекать большое количество различных рыночных игроков, но и увеличивать возможности создания добавленной стоимости. В то же время высокая степень развитости инфраструктуры (транспорт, коммуникации, энергия) дает возможность платформе стать повсеместной, экстерриториальной [15].

Здесь возникает необходимость трансформации традиционных организационных схем менеджмента в направлении организации деятельности на основе конструирования будущего через проекцию прошлого опыта в виде идеи проекта. Именно проектный подход предполагает формирование бизнес-экосистемы, то есть соответствующего мета-пространства, в котором рождается, реализуется и потребляется проектный продукт. Суть этого пространства, в частности, предусматривает формирование активов природного происхождения. Уточним, что содержательные признаки природного актива базируются на учете общих свойств актива как такового. Во-первых, он, согласно проектному подходу, обеспечивает именно вероятные, потенциальные экономические выгоды от использования в будущей хозяйственной деятельности. Так, природно-ресурсный потенциал, будучи вовлеченным в хозяйственный оборот отдельно, в составе или в комплексе с другими активами, прямо или косвенно способствует увеличению будущих чистых денежных потоков. Во-вторых, у всех участников логистической цепочки использования актива должна быть возможность полноценно получать и контролировать выгоду от этого процесса. В-третьих, правовой акт или событие, характеризующееся правовыми

последствиями, в результате которых появилось право получения или контроля вы-год от использования актива, в данный момент должны уже состояться, то есть вы-строена необходимая институциональная составляющая (организована проектная компания, заключено соглашение об отношениях концессии и т. д.).

Таким образом, ключевым признаком природного актива является экономиче-ская отдача в результате его использования в экономической деятельности. Основной характеристикой актуальной, или потенциальной, выгоды, которую могут получить субъекты хозяйствования от привлечения ресурса в экономический оборот, следует считать соответствующую ставку дохода на оценочную стоимость актива (ставку дохо-да на капитал), которая должна превышать ставку дохода от альтернативного исполь-зования ресурса, прежде всего – норму доходности в данной сфере хозяйствования или в стране в целом (ставку дисконтирования). В модели проектно-деятельностного подхода природный актив имеет свои характерные признаки (привязка в общем слу-чае к территории, общенародный характер собственности на актив, доверительное управление активом и т. д.), на которые необходимо обращать внимание, поскольку это касается непосредственно перспективного моделирования определенных направлений использования активов для максимизации чистого дохода (new economic welfare).

Вместо этого актив предполагает институциональную интеграцию ресурса в пространственную систему (рис. 1). Для его превращения в полноценный актив не-обходимо природный капитал включить в хозяйственный оборот. В свою очередь, это требует разработки определенного организационно-экономического механиз-ма по их включению в соответствующие информационно-энергетические потоки. Таким образом, с развитием предпринимательских структур за счет природных ре-сурсов происходит обновление экономического пространства, упорядочение харак-тера взаимодействия экономических акторов, а в завершение – повышение уровня конкурентоспособности территориальных образований в целом.

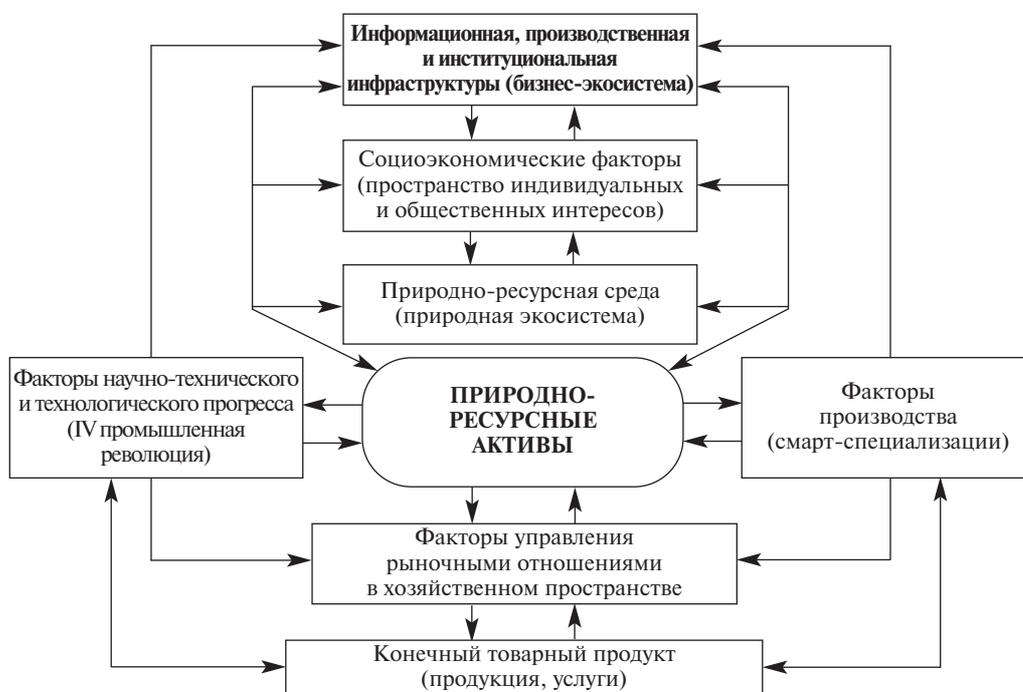

Рис. 1. Природно-ресурсные активы в системе благоустройства пространственного развития

Разработано автором.

Кроме того, очень важными и влиятельными с точки зрения обеспечения устойчивого развития территориального образования являются факторы производства (специализация и ключевые компетенции бизнеса), а также научно-технического и технологического прогресса. Впрочем, природные ресурсы, рассматриваемые как элементы единой природной экосистемы, за счет соответствующих институциональной и производственной инфраструктур и благодаря привлечению экономических акторов становятся полноценными активами природно-ресурсного происхождения (рис. 2).

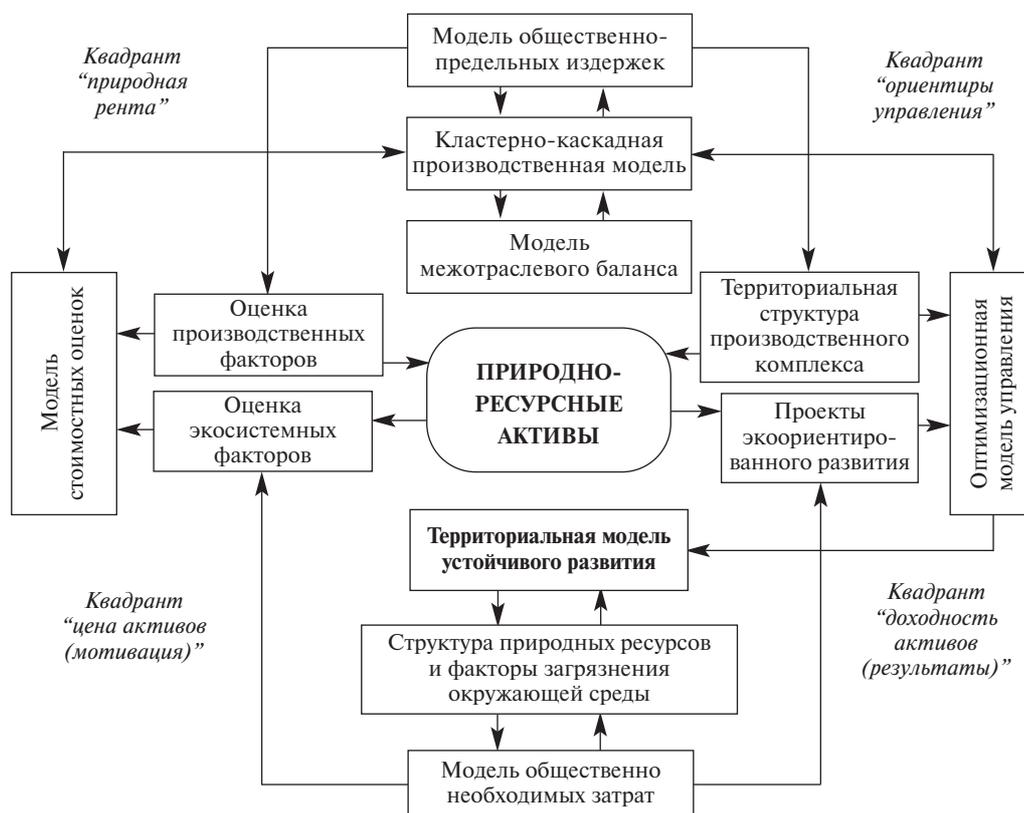

Рис. 2. Природно-ресурсные активы в модели пространства квадрантов упорядочения устойчивого развития

Разработано автором.

Изображенная на рисунке 2 модель пространства упорядочения устойчивого развития является нелинейной. Нелинейность заключается в том, что квадранты как составляющие управленческого процесса формируют свое особое мета-пространство, характеризующееся динамичными изменениями и поливариантностью проявления в реальных хозяйственных системах. Что интересно, данная модель, имея нелинейный характер, описывает фрактальный цикл проективного управления пространственно-временной реальностью с помощью 4-частной стадийной цепочки, взаимодействие которых последовательно упорядочено.

На *первой стадии* (квадрант “цена активов”) создается мотивация к будущей деятельности с вовлечением в хозяйственный оборот природных ресурсов. На этой стадии под действием различных факторов (потребительских характеристик ресурса, затрат, рыночной конъюнктуры, монополии, конкуренции, ожидаемых доходов и т. д.) в случае вовлечения природного ресурса в хозяйственный оборот, соответственно, формируется и цена актива. Мотивирующим ориентиром для пользователя ресурса при этом становится квадрант будущей доходности актива (например,

внутренняя норма доходности инвестиционного проекта). Здесь доминирующим является формирование своеобразного взгляда из “прошлого” через “будущее” на результаты деятельности в настоящем. В таком случае весь дальнейший управленческий цикл всегда будет под влиянием ориентиров для деятельности квадранта “доходность активов”. Готовность пользователя заплатить цену за вовлечение природного ресурса в хозяйственный оборот фактически выступает фактором его перехода в категорию “природно-ресурсный актив”.

На *второй стадии* (квадрант “природная рента”) происходит прямое вовлечение природного актива в хозяйственную деятельность через производственный процесс. На этой стадии появляются доходы от природопользования, в основе которых лежит природная рента. Такая деятельность в виде конкретных хозяйственных действий с предметами и средствами труда относится к временной категории “настоящее время”. В данном случае, при прямой деятельности после принятия инвестиционного решения, первичная мотивация к ней фактически остается в прошлом, а базовыми для деятельности являются ориентиры из “будущего”, то есть по планированию действий.

На *третьей стадии* (квадрант “ориентиры управления”) формируются критериальные признаки структуры будущих управленческих ориентиров получения результатов хозяйственной деятельности. Фактически эта стадия охватывает два временных интервала. Она предшествует второй стадии, с одной стороны, как этап планирования деятельности, а с другой — как корректирующие действия, которые на основе обратных информационных связей, сигнализирующих о результатах деятельности, обеспечивают определение новых ориентиров стратегического планирования. Однако в обоих случаях запланированные действия фактически принадлежат к временной категории “будущее” по отношению к деятельности в настоящем.

На *четвертой стадии* (квадрант “доходность активов”) происходят получение, распределение и перераспределение доходов от реализации проектов в сфере использования природных активов через финансовые механизмы. На этой стадии полученные экономические (доходы), финансовые (доходы, бюджетные поступления) и экологические (уменьшение убытков, увеличение производительности ресурса) результаты хозяйственной деятельности сравниваются с ожидаемыми на первой стадии. В итоге получаем замкнутый жизненный проектный цикл, в отношении которого ориентиры существовали “всегда”. Итак, формируются новые ожидания инвесторов и новые ориентиры как основа для их мотивации на первой стадии нового управленческого цикла.

В то же время субъекты экономической деятельности, имеющие доступ к ресурсу как пользователи и носители соответствующих экономических интересов, интегрируются в хозяйственный оборот в рамках определенных бизнес-экосистем, то есть через управленческие циклы формирования мотиваций к деятельности с определением целевых ориентиров, планированием, разработкой и оценкой результатов.

Таким образом, одними из ключевых становятся факторы по управлению рыночными отношениями в хозяйственном пространстве, понимаемом с точки зрения современных позиций создания высококачественных условий для бизнес-деятельности в четырех квадрантах модели упорядочения устойчивого развития. Каждый из установленных квадрантов логично соответствует одной из составляющих управленческого цикла “мотивация → планирование → деятельность → результат” более общей модели нелинейного типа по так называемому проектному подходу. Здесь главной становится ориентация на создание управленческой структурной платформой пространственных условий для реализации как проекта (системы проектов или программ) задачи прогнозирования и планирования именно будущей хозяйственной деятельности. Признаками такого подхода является использование накопленных в прошлом опыта знаний и информации через генерацию проектных

идей в виде бизнес-планов, направленных на решение сформулированных проблем устойчивого развития отдельных территориальных образований. При этом необходимые материальные, информационные, финансовые, человеческие и другие ресурсы концентрируются на достижении конкретных целей посредством внедрения в жизнь технологий проектного менеджмента.

Выводы

Рассмотренные нами вопросы на первый взгляд имеют не только чисто теоретический характер, но и существенное прикладное значение, поскольку демонстрируют необходимость более глубокого понимания совокупности факторов, обуславливающих экономическое положение Украины в постиндустриальной среде.

Содержание нового подхода к системной организации экономики Украины, в основе которого лежит идея формирования социально ориентированного общества, выводит пространственное развитие в ранг действительно приоритетного. Предложенный концепт состоит в том, что допускается принципиальная возможность значительной активизации и упорядочения всей хозяйственной деятельности в Украине при условии, что системообразующим выступит низовой территориальный уровень. Предполагается, что в случае построения в стране сбалансированной, максимально самовоспроизводящейся экономической системы автоматическим становится процесс ее укрепления, в том числе по противостоянию влиянию негативных глобальных факторов. Впрочем, следует учитывать коренную трансформацию связей субъектов хозяйствования, которые создают коммуникативные поля широкого спектра многообразия.

Необходимо существенно повысить роль природных ресурсов в национальном хозяйстве, исходя не только из экологических требований, но и с позиций чисто экономической целесообразности. При этом нужно трансформировать систему отношений между основными пользователями и распорядителями природных активов. Важно, чтобы на фоне технологической и организационной активизации общественно-экономических акторов и хозяйственных агентов регионального и локального уровней совершенствовались процессы повышения их ответственности за природопользование.

Конечно, в эпоху новой индустриализации может значительно снизиться роль классических конкурентных преимуществ, основанных на региональной и природной ренте, в пользу потребительских качеств товара и технологической ренты за счет высокотехнологичных производственно-логистических решений. Вместе с тем следует учитывать распространение новых организационных форм экономической деятельности, включая платформенную, шеринговую и циркулярную экономические модели хозяйствования, ориентированные на обеспечение ускоренного системного пространственного развития.

Пребывание в природно-ресурсной сфере деятельности бизнес-экосистемных форм организации обеспечивает возможность территориального благоустройства пространства горизонтального взаимодействия всех участников хозяйственного процесса, создающих, продвигающих и поставляющих продукт одновременно посредством конкуренции и сотрудничества, формирующих общую стоимость и максимизирующих общественное благосостояние. На этом пути основным фактором эволюции становится минимизация совокупных общественных затрат на создание и распространение товаров или услуг за счет оптимальной организации бизнес-процессов в физическом, информационном и финансовом пространствах с созданием общей добавленной стоимости.

Таким образом, пространственный концепт эколого-экономического развития охватывает практически весь спектр экономических вопросов, требующих неотложного решения. Более того, достижение положительных результатов лежит в плоскости того, как мы сможем использовать свои имеющиеся преимущества.

Список использованной литературы

1. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики ; [пер. с нем.]. – М. : Экономика, 1996. – 496 с.
2. *Шумпетер Й.* Теорія економічного розвитку. Дослідження прибутків, капіталу, кредиту, відсотка та економічного циклу ; [пер. з англ.]. – К. : Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2011. – 242 с.
3. *Хаустов А.П., Редина М.М.* Управление природопользованием : учеб. пособ. – М. : Высшая школа, 2005. – 334 с.
4. *Льченко С.В.* Визначення підходів до формування категорії економічний простір / Економічні інновації : зб. наук. праць. – Одеса: ІПРЕЕД НАН України, 2012. – Вип. 49. – С. 43–51 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/67212>.
5. *Бияков О.А.* Экономическое пространство: сущность, функции, свойства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-prostranstvo-suschnost-funktsii-svoystva>.
6. Економічний простір і динаміка розвитку продуктивних сил України: теоретико-методологічні основи дослідження ; [за ред. Б.М. Данилишина]. – К. : РВПС України НАН України, 2008. – 220 с.
7. *Бистряков І.К., Чернюк Л.Г.* Економічний простір: аспекти методологічного визначення ; [за заг. ред. Б.М. Данилишина]. – К. : РВПС України НАН України, 2006. – 56 с.
8. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики : учеб. – М. : ИД ГУ ВШЭ, 2004. – 496 с.
9. *Радаев В.В.* Что такое “экономическое действие” // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 18–25.
10. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом ; [пер. с англ.]. – М. : Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nonfiction.ru/sites/default/files/books/view/revolution_list.pdf.
11. *Куликова Н.В.* Создание экосистем бизнеса на основе крупных предприятий // Вестник МИРБИС. – 2016. – № 2 (2). – С. 156–160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://cs.journal-mirbis.ru/-/b8xjfhyl1EY22pKhZgGslQ/sv/document/45/2e/47/521295/84/2_2016_VM.pdf?1499350363.
12. *Андросик Ю.Н.* Бизнес-экосистемы как форма развития кластеров // Труды БГТУ. – 2016. – № 7 (189). – С. 38–43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elib.belstu.by/handle/123456789/20306>.
13. *Moore J.F.* Predators and prey: a new ecology of competition // Harvard Business Review. – 1993. – May – June. – P. 76–86 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>.
14. *Moore J.F.* Business ecosystems and the view from the firm // The Antitrust Bulletin. – 2006. – Vol. 51. – No. 1. – P. 31–75 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ecosystemsinnovation.com/wp-content/uploads/2017/09/Business-ecosystems-and-the-view-from-the-firm-antitrust-bu_081320081450.pdf.
15. *Galateanu E., Avasilcai S.* Value co-creation process in business ecosystem // Annals of the Oradea University. Fascicle of Management and Technological Engineering. – 2014. – May. – Iss. 1. – P. 169–174 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.679.7864&rep=rep1&type=pdf>.

References

1. Eucken W. *Osnovnye Printsipy Ekonomicheskoi Politiki* [Grundsätze der Wirtschaftspolitik]. Moscow, Ekonomika, 1996 [in Russian].
2. Schumpeter J. *Teoriya Ekonomichnoho Rozvytku. Doslidzhennya Prybutkiv, Kapitalu, Kredytu, Vidsotka ta Ekonomichnoho Tsyklu* [The Theory of Economic Development: an Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle]. Kyiv, PH “Kyiv-Mohyla Academy”, 2011 [in Ukrainian].
3. Khaustov A.P., Redina M.M. *Upravlenie Prirodopol'zovaniem* [Environmental Management]. Moscow, High School, 2005 [in Russian].
4. Ilchenko S.V. *Vyznachennya pidkhodiv do formuvannya katehorii ekonomichnyi prostir* [Definition of approaches to category formation economic space]. *Ekonomichni innovatsii. – Economic innovations*, 2012, Iss. 49, pp. 43–51, available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/67212> [in Ukrainian].
5. Byyakov O.A. *Ekonomicheskoe prostranstvo: sushchnost', funktsii, svoistva* [Economic space: essence, functions, properties], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-prostranstvo-suschnost-funktsii-svoystva> [in Russian].
6. *Ekonomichnyi Prostir i Dynamika Rozvytku Produktivnykh Syl Ukrainy: Teoretyko-Metodolohichni Osnovy Doslidzhennya* [Economic Space and Dynamics of Development of Productive Forces of Ukraine: Theoretical and Methodological Bases of Research]. B.M. Danylyshyn (Ed.). Kyiv, CSPF of the NAS of Ukraine, 2008 [in Ukrainian].
7. Bystryakov I.K., Chernyuk L.G. *Ekonomichnyi Prostir: Aspekty Metodolohichnoho Vyznachennya* [Economic Space: Aspects of Methodological Definition]. B.M. Danylyshyn (Ed.). Kyiv, CSPF of the NAS of Ukraine, 2006 [in Ukrainian].
8. Granberg A.G. *Osnovy Regional'noi Ekonomiki* [Basics of the Regional Economy]. Moscow, PH of SU HSE, 2004 [in Russian].
9. Radaev V.V. *Chto takoe “ekonomicheskoe deistvie”* [What is the Economic Action]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic sociology*, 2002, Vol. 3, No. 5, pp. 18–25 [in Russian].
10. Rifkin J. *Tret'ya Promyshlennaya Revolyutsiya. Kak Gorizontallye Vzaimodeistviya Menyayut Energetiku, Ekonomiku i Mir v Tselom* [The Third Industrial Revolution. How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy and the World]. Moscow, Alpina non-fiction, 2014, available at: http://www.nonfiction.ru/sites/default/files/books/view/revolution_list.pdf [in Russian].
11. Kulikova N.V. *Sozdanie ekosistem biznesa na osnove krupnykh predpriyatii* [Creating a business ecosystem based on large enterprises]. *Vestnik MIRBIS – MIRBIS research journal*, 2016, No. 2 (2), pp. 156–160, available at: http://cs.journal-mirbis.ru/-/b8xjfhyl1EY22pKhZgGslQ/sv/document/45/2e/47/521295/84/2_2016_VM.pdf?1499350363 [in Russian].
12. Androsik Yu.N. *Biznes-ekosistemy kak forma razvitiya klasterov* [Business ecosystems as a form of cluster development]. *Trudy BGTU – BSTU Works*, 2016, No. 7 (189), pp. 38–43, available at: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/20306> [in Russian].
13. Moore J.F. Predators and prey: a new ecology of competition. *Harvard Business Review*, 1993, May – June, pp. 76–86, available at: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>.
14. Moore J.F. Business ecosystems and the view from the firm. *The Antitrust Bulletin*, 2006, Vol. 51, No. 1, pp. 31–75, available at: https://www.ecosystemsinnovation.com/wp-content/uploads/2017/09/Business-ecosystems-and-the-view-from-the-firm-antitrust-bu_081320081450.pdf.
15. Galateanu E., Avasilcai S. Value co-creation process in business ecosystem. *Annals of the Oradea University. Fascicle of Management and Technological Engineering*, May 2014, Iss. 1, pp. 169–174, available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.679.7864&rep=rep1&type=pdf>.

*Статья поступила в редакцию 13 июля 2018 г.
The article was received by the Editorial staff on July 13, 2018.*